

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ КОШЕК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ю_ШУТОВА

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «ПЕРЕПИШИ-2020» В НОМИНАЦИИ «МАЛАЯ ПРОЗА»

Ю_ШУТОВА

Все зависит от кошек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63104406

SelfPub; 2021

Аннотация

Успеть свалить из города пока не опустили шлагбаум... И самое главное – не забыть кошку. Потому что все в жизни зависит от кошек. По крайней мере, у Таньки, героини этой повести. А дальше реальность начинает закручиваться пестрым хороводом, выкаблучивать, звенеть бубнами, лихо свистеть в оба уха и постреливать от полноты душевной. Мелькают в вихревой круговерти лица: цыганского барона, не улыбочивой девочки-кассандры, идущих на приступ рыцарей-дезинфекторов и совсем уж непонятно чьи. Сыплет на головы майский снегопад. И в центре этой свистопляски стоит Танёха с кошкой на руках. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Allegro con brio[1]	4
Andante con moto[2]	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ю_ШУТОВА

Все зависит от кошек

*Правильная музыка похожа на жизнь. А правильная жизнь – это всегда музыка.
Моцарт. Мысли.*

Allegro con brio¹

Я успела вовремя. Не опоздала. Пожалуй, первый раз в своей жизни. Обычное мое состояние – догони поезд. А тут, надо же, проскочила. Город закрыли на полный карантин уже на следующий день после моего бегства. А все Леха. Все в моей жизни правильное – от Лехи. Прямо как Евангелие. Евангелие от Лехи.

Вот он мне звонит с этого своего Иерихона и орет. Ни здрасте, ничего такого, сразу орет:

– Танька, ты еще в городе?

– А где мне еще быть, – спокойно так отвечаю.

А он:

– Дура, съяб...ай оттуда немедленно!

Интересные дела, куда это мне съяб...ть?

А этот придурок знай орет, весь свой Израиль слюной за-

¹ Allegro con brio – весело и живо.

брызгал:

– Идиотка недоделанная, в Осинки вали! Быстро! Сегодня! Сейчас! Кошку хватай и съяб...ай!

И связь прервалась, не выдержала Лехинога напора.

Осинки? С какого перепугу Осинки? Это деревня такая брошенная, где-то на краю Псковщины. Меня туда Леха на охоту возил пять лет назад, еще до отъезда своего в земли праотцов. Тогда компания подобралась супер – пятеро мудаков... Мужиков – извините – и я. А я ж в мужском бизнесе, мне ж соответствовать надо. Правда, собственно на охоту мы один раз вышли, потом все больше квасили и на банки из-под пива охотились, но лично мне и одного выхода хватило. Посадил меня Леха на лужок и говорит: «Ща полетят гуси, готовься». И ушел куда-то. Сижу. Холодноовато, апрель-месяц. Зеленка только-только вылезать стала. Кругом трава прошлогодняя пожухлая, потерявшая и цвет, и всяческую растительную силу. В дальней дали птички весенние заклички начали. Вдруг прямо надо мной гусь нарисовался. Летит. Низко. Толстый, как дирижабль. И лапки поджатые. Я так автоматически ружье вверх и целю ему прямо в пузо. И думаю: а вдруг попаду, неофитам везет, черт бы их побрал. Как жахну дробью, и разлетится это красивое пузо кровавыми ошметками. Опустила ружье. Смотрю, как он сквозит надо мной беззвучно. Леха откуда-то вынырнул: «Чего, дура, не стреляла?» – «Испугалась, – говорю, – вдруг попаду».

Это он мне в эти Осинки валить советует? С чего бы? В

общем, я два дня томила, как всегда, не зная, на что решиться. А на третий в полночь отрубился интернет, и сразу стало понятно, что навсегда. Как и почему, хрен знает, спросить не у кого, Алиса больше не принимает. Вырубился и все. Я с утра пришла в контору, сказала: «Всем спасибо, все свободны». Котлету налички из сейфа вытащила, всем сестрам по серьгам раздала. Вот опять же, сколько раз Леха мне говорил: «Не крохоборничай, чувырла, плати людям кэшем. Чё, обналичка денег стоит? Люди денег стоят». И Леха уже уехал, а я все зарплату наличкой плачу без всяких карточек. Вот кто знал, что сегодня это будет актуально? Кто? Может, Леха?

Метнулась по магазинам, все дикси-перекрестки, все закрыто, только возле дома на углу «петит узбек» открыт, им без кассы торговать не привыкать, записали в талмуд, чё почём: гречка, спички, водка, тушенка, вискас.

Частушки, помню, на Дне первокурсника пела:

Мы скупили гречку,
Сахар, водку, спички.
Не меняются у нас
Народные привычки.

Покидала все в машину, загрузила кошку в переноске и отчалила с милого севера в сторону южную.

А Город пустой!

Все беспилотники колом встали. А это ж девяносто процентов транспорта. Как удобно всем было! Самая распоследняя безмозглая курица на права сдавала с первого захода, ну максимум – со второго. Три кнопки, управление не сложнее смартфона. А теперь все, каюк и смартфонам, и беспилотникам. Только самые крутые по улицам на механике носятся. Механика – штука дорогая, считай, каждая тачка по индпроекту собирается. Кузов из карбопластика на 3D-шке печатается. Мне ли не знать, я ж сама эти кузова десять лет отрисовывала. Короче, это только для тех, кто круче крутого яйца. Как я. У меня тачка – вообще монстр: кузов от Делореана из «Назад в будущее», такой весь прокопченный, подгорелый, слегка помятый. Вся прокопченность-помятость сразу в проект закладывалась. Я уж для себя, любимой, постаралась. Кузов вздыблен на раму внедорожника с 17-дюймовыми колесами, резина широченная, хошь по грязище мотайся, хошь главную магистраль Города дави. В общем, милашка, девчачий вариант.

По пустому Скоростному Диаметру я до последнего пропускного пункта мигом доскакала. Мужик в костюмчике химзащиты, желтом, как уточка для ванны, быстро мне в лоб из градусника стрельнул, рукой махнул, вали, мол, я даже не успела привычно пошутить: «А кошке?»

Как ехать, мне опять же Леха эмэмэску прислал, успел. А я на бумажку срисовала, мне с бумажки удобнее, чем по

экрану пальцем водить: сначала будет поворот на Синюхино направо, на него пилюем, а за ним метров через триста незаметная такая отворотка туда же, вправо. Там старая булыжная дорога на бывшую, давно исчезнувшую усадьбу, от нее всего пара кирпичей осталась, все хозяйственные колхозники растащили. От этой пары кирпичей надо опять вправо забирать до просеки, там тракторная дорога должна быть. По просеке влево полкилометра, и вновь бери вправо по тропе, что черные следопыты проложили. А там через пару верст и Осинки. В хорошую погоду, в смысле если сухо, я на своем монстре везде пройду, до самых этих Осинок.

И я бы проехала, фигня, что апрель, вся зима была без снега, весна без дождей. До поворота на Синюхино я за семь часов от Города долетела, это, считайте, птицей. А дальше никакой отворотки нет. Устарели Лехины сведения. Здесь трассу расширяли-выравнивали, где-то поднимали, где-то, наоборот, холмы срезали. Все. Нету отворотки. Темнеть уже стало. Стремно как-то на дороге ночевать. И кошка в переноске с утра не пимши, не срамши, жалко скотину. Я атлас из бардачка вытащила. Он тоже старый, но не старей географии. Атлас показывает: еще двадцать километров и вправо поворот на Перепоево. То еще названьице. Большая деревня, домов пятьдесят, за ней еще дерёвка, называется Попадьино, маленькая, домов десяток от силы, тупиковая, дальше только поля. Там дорога пунктиром между двух озер обозначена. Туда, куда мне надо. Только кругалем. Ну и ладушки. Едем.

Через Перепоево рулю, темнота, ни одного фонаря, с двух сторон – заборы высоченные, зона прямо, и тихо, ни людей, ни собак не слышать. Как вымерло все. Так в тишине и про-свистела насквозь. Потом маленькая деревка слева на хол-мике, поворот в нее шлагбаумом самодельным перекрыт. Но мне не туда, мне чуть дальше и вправо, вот она, отворотка тракторная.

А это что? Колея уперлась в ручей. Нормально? Не про-еду, у меня хоть и монстр, но таки не трактор. Я вылез-ла, походила туда-сюда, фонариком под ноги посветила. Без толку, нет дороги, ночевать придется здесь. Ну и хрен с ним. Спинки передние опустила, получился у меня шикар-ный сексодром. Спальник вытащила. Кофеварку в прикури-ватель вторнула. Сейчас кофейку хлопну и спать. Ну кошку, понятное дело, накормила, напоила и в кустики выпустила на шлейке, чтоб не сбегла сдуру.

Спала я безмятежно. И снился мне Леха. Вроде как нам с ним лет по шесть, и сидит он высоко-высоко на дереве, а я смотрю на него снизу, а он в ветвях и в солнце, его не видно почти, и он орет оттуда с высоты мне: «Ну чё, лахудра? Не бойсь, лезь сюда, отсюда стратосферу видно!»

* * *

Леха – мой двоюродный брат. Мы с ним в один год роди-лись, и даже в один месяц. В городе мы редко виделись, за-

то на лето родители спихивали нас бабушке в маленький белорусский городок на берегу спокойной речки. Сонный такой городишко, полный лопуховых зарослей, немощеных дорог и чужих садов. И там Леха самозабвенно помыкал мною. Он гонял меня за мороженым, чупиками или семечками, учил делать настоящие индейские луки, плести мифриловые кольчуги из спертой у деда проволоки и бить гарпуном нарвала, живущего в затоне. И всегда орал на меня: «Идиотка недоделанная, дурища колхозная, чувырла болотная, барбандия, лахудра». Я не обижалась. С Лехой было интересно. И он не позволял никому лезть ко мне.

Нам было по девять лет. Леха послал меня за мороженым. Планировалось, что я принесу четыре стаканчика, и мы сожрем их с вишневым бабушкиным вареньем, литровую банку которого Леха увел из погреба и предусмотрительно спрятал за поленницей у сарая. Намечался великий праздник. Но на наш двор я явилась без вожделенного мороженого, зато с разбитым носом и ссадиной под левым глазом. Меня подкараулили наши вечные летние враги, двойняшки Петренки, здоровые двенадцатилетние лбы, наваляли мне по-быстрому и мороженое отобрали. Глянув на мою перекошенную физиономию, измазанную юшкой, слезами и грязью, Леха заорал: «Дура колхозная, лахудра, надо ж думать, кому позволять себя бить! Сиди тут, не вылазь!» – и умчался.

Через пять минут мимо нашего забора пронеслась тетка Зина, мамаша Петренок. Она отчаянно пылила, загре-

бая толстыми ножищами, и приговаривала: «Ой, лишенько... Ой, лишенько...» За ней рысили еще какие-то тетки. Потом промчался дядька Саша, Петренко-старший, а еще через пятнадцать минут туда же проехала буханка-скорая. И тут же метнулась обратно. Леха свесился с забора, вид у него был удовлетворенный. Оказалось, он побежал к тетке Зине на работу, в бухгалтерию нашего раймага, и с порога завопил, вытаращив глаза: «Теть Зин, беда. Ой беда! Таньку нашу в больницу забрали. Она прям изблевалась вся и лежит – не дышит. Она с вашими сейчас мороженое лопала, налопалась и траванулась. Ее скорая забрала! Ой, помрет Танька! А я к вам побежал! Стучал, стучал, не открывают Колька с Вовкой. И в доме тихо так, как в могиле. Может, они уже того...» Тут кто-то из баб возьми да и булькни: «Ботулизм». И тетка Зина подхватилась. Остальные – за ней. Перепуганные вусмерть Петренки огребли за отбитое у меня мороженое экстренное промывание желудка, слабительное и срочную госпитализацию.

Я оканчивала школу, до выпускных оставалась пара недель. И тут к нам домой заявился Леха. И как всегда звучала тема Судьбы.

– Куда поступать собралась, барбандия?

Я, гордо выпятив губу, заявила:

– В Штиглица, в Академию.

– Неплохо, самое место для таких колхозниц. Научишься табуретки проектировать. Понесешь масскультуру в массы.

И дальше он прочел мне связную лекцию об ожидаемом скором витке автомобилестроения, о том, что уже пошла тенденция возврата к механике. Что эти повсеместные беспилотники лишают настоящих мужиков возможности управлять движением, а значит, управлять своей жизнью и судьбой. Что настоящую механику сейчас хрен найдешь, все давно погнило-поржавело, а значит, есть перспектива первыми впендюриться в эту нишу. Короче, пойдешь, лахудра, вместе со мной на автомобилестроительный в политех.

Чего, думаете, я не пошла? Пошла. И уже на третьем курсе мы открыли мастерскую по сборке автошек с механической коробкой и любым вариантом кузова, распечатанного на 3D-шке. И поперло. У нас очередь стояла. Получив дипломы, мы вложились в новую технику, это была уже роботизированная линия, завод, можно сказать. Не слишком большой. Товар все-таки штучный. Не массовое производство.

А три года назад Леха в землю обетованную укатил. Насовсем. А мне свою кошку оставил. Чего вдруг у него в черепушке перевернулось, не знаю, а только он кипу напялил и бороду отрастил. Правоверным иудеем заделался. Мы по бабушке, у которой летом тусовались, оба с ним евреи, только дальше он по маме, а я по отцу. И выходит, что он, Алексей Егорович Воронин – еврей, а я, Татьяна Марковна Ройзман – русская.

А за Лехой по осени потянулись клином наши родители, и

Ройзманы, и Воронины. Новые гнезда вить на древней родине. Осталась я одна в Городе. Ну и ладно. Простору больше.

* * *

Я проснулась оттого, что солнце усиленно тыкало мне в глаз своим лучом-соломинкой. Опустила стекло и высунула голову наружу. Тепло, птички какие-то чирикают, насекомыши мимо носа летают. Благодать. Прямо передо мной на берегу ручья стояла девочка лет двенадцати. Худенькая, в какой-то обвисшей коричневой кофте с подвернутыми рукавами, в камуфляжных вылинявших штанцах, заправленных в ярко-желтые резиновые сапоги. На голове красная бейсболка козырьком назад. Из-под нее – две белобрысые тонкие косички. Она помахала мне рукой.

Я вылезла, метнулась в кустики. Стала собирать манатки. В голове у меня заполошными курами метались мысли: что делать с тачкой, где взять трактор, чтоб перепереть ее на тот берег, что там в этих Осинках, может, лучше остаться здесь, в маленькой деревне на пригорке, вдруг пустят. Девочка не уходила. Она села у ручья на камушек. Возле ее желтых сапог отиралась моя кошка. Чего она тут, девчонка эта?

– Эй, девочка, ты чего тут? Ты из деревни? Из, как его, из Попадьяина?

Он встала и подошла ко мне:

– Нет, я из Осинок. Я тебя жду.

– Зачем?

– Дорогу покажу. Ты не найдешь.

Ладно. Провожатый у меня есть, уже плюс. И люди, значит, в Осинках водятся. Тоже плюс. Два плюса с утра. Жизнь налаживается. Честно говоря, кто там в этих Осинках жил, я сквозь винно-водочный туман плохо помню. Тетка какая-то крутилась, пожрать нам что-то притащила, картошки, что ли. Да, и еще самогона. Точно. У нас водка кончилась на третий день, не хватило, ехать некому, все косые, мужики пошли к местным. Тетка принесла. Леха сказал, убойный. Я не пробовала, у меня бутылка хванчары была в заглазнике. Еще вроде пацан какой-то крутился под ногами.

– Ну пошли. Тебя как зовут?

– Леся Гулькина.

– Ну пошли, Леся Гулькина. А меня...

– Я знаю. Ты Танька.

Нормально? Пигалица, еще сиськи не проклюнулись, меня, девушку предпоследней молодости, этак фамильярно: Танька. Кому Танька, а кому и Татьяна Марковна. Но я решила не усугублять. Дойдем до ваших Осинок, там посмотрим...

Я взвалила на плечи рюкзак с самым необходимым. Необходимого было килограмм двадцать плюс ружье в чехле. А кошку-то куда?

– Кисель, давай сюда, – я вытащила из багажника переноску.

– Не надо, я ее на руки возьму.

– А если сдрыснет? Как мы ее по лесу ловить будем?

– Нет. Не сдрыснет.

И правда, кошка Лехина, а теперь уже моя строптивая кошка, не переносящая на дух людей, меня-то терпящая с трудом, только потому, что кто-то должен открывать пакеты с вискасом, устроилась на девчоночьих руках и заурчала. Даже обидно. Я ей три года служу верой и правдой, а эту пацанку она первый раз видит, и на тебе – любовь с первого взгляда.

Девчонка полезла в прибрежный тростник, высоченный, выше головы. Там обнаружился мостик. В прибрежную болотистую жижу по обоим берегам были вбиты бревнышки вертикально, на них положена доска шириной сантиметров тридцать.

– Я не пройду. Я упаду, – стопарю перед доской, мало того, что узкая, так еще и перил ни намека нет.

Точно не пройду, у меня с равновесием и так не особо, а когда рюкзак перевешивает, вообще труба.

– Слегу возьми, вон воткнута, – ответила девчонка, не обернувшись.

Я пошарила вокруг глазами: точно, вон длинная палка торчит, в тростнике сразу и не углядишь. Теперь другое дело, потихонечку, приставными шажочками я эту «бездну» одолела. Леся ждала меня, поглаживая кошку спину.

– Доску за собой вытяни.

– Чего?

Ишь раскомандовалась, мелочь, тебя бы доской вытянуть по заднице.

– Доску, по которой шли, на этот берег затянуть надо. Она тяжелая, мне никак.

– А зачем ее сюда?

– Так.

Это у них кордон, что ли? Водная преграда. Враг не пройдет. Я сбросила рюкзак на траву. Потасила доску на себя. Тяжелая зараза, это верно. Интересно, а когда пацанка пришла, доска уже лежала? Или ей кто-то помог ее водрузить? Вот я справилась в одиночку, я – молодец.

До Осинок мы быстро добрались, всего за пару часов, Леся впереди бодро вышагивала, я сзади ковыляла, норовя об каждую корягу спотыкнуться, в каждой ямке ногу подвернуть. Хорошо, палку с переправы с собой прихватила. Мы все шли-шли по тропе, и вдруг раз, деревья расступились, нарисовалась полянка с кошкин лоб, а на ней четыре дома разной степени запущенности. Возле каждой избы, раскорячив узловатые ветки, стражами застыли яблони. Из трубы одного, того, что слева притулился под высоченным деревом, курился дымок. Не в этом ли мы и базировались пять лет назад на той приснопамятной охоте? Небольшая такая избенка, насупленная, два окошка, сверху крыша нахлобучена, черная, какой-то древней фигней крытая, толем, что ли, или рубероидом. Листики на дереве свежие, юные, лег-

ким флером этот домик покрывают.

Заходим. Первое, что вижу, большая печка, огромный объем, свежепобеленная, теплая. И стол. За столом люди. Тетка, мужик и мальчик. Тетке я б лет сорок дала, такой незамысловатый деревенский бабец: старый бодлончик, жилетка из искусственной неопределимой зверушки, волосы стриженные, каштановой масти, крашеные, наверняка. Мужик – вообще отстой, бороденка жиденьякая, на башке шапочка-петушок, синяя с надписью «карелия», доисторическая такая шапка. Ватник еще. Он так в ватнике и шапке за столом и сидит, хотя в избе тепло. От дядьки этого ощущимо тянуло перегаром, сизым духом перегоревшего спирта. Пацан белобрысый, на Лесю похож, брат, судя по всему. Все какие-то однотипные. Глаза, что ли, одинаковые, пятками круглыми, только голубенькими, как знойное июльское небо. Худощавенькие, ростика одного, невеликого, но тут не мне с моими ста пятьюдесятью пятью сэма выпендриваться.

И все на меня смотрят.

Тетка говорит:

– О! Танька прибягла. От апатичной немании бегит. Спаеца. Затварица ат миру хатит. Садися, Танька. Аладушак бяри.

Тетка откровенно не то что акала – якала, такой вот местный говорок. Мы еще в тот раз, во время охоты, ржали: «Ня знаю, ня буду».

Мужик и мальчик молча лопали оладьи.

Так я познакомилась с Гулькиными.

Бросила рюкзак и ружье в уголок, присела с краешка у стола. Потом вскочила опять, надо ж чего своего на стол выложить. Пошурудила в своем сидоре, достала банку шпрот и хлеб. Банка была мгновенно открыта.

– Ты ешь, Танька, ешь. У нас яшшо сявонни делов многа.

Ага, «делов много у нас», у меня, значит, тоже. За гостеприимство надо платить. Ладно. Я подвинула к себе миску и навалила в нее оладьев с горкой. Жрать после марш-броска по лесу хотелось страсть.

«Танька, поставь свои боты у печки, пусть сохнут, на вот тебе галоши, в них ходи», «Танька, бери ведро, воды надо принести с родника, Леся покажет», «Танька, дров принеси до печи, Леся покажет», «Танька, посуду вымой, вон тазик», Танька то, Танька это. Тетка гоняла меня как вшивого котенка по бане часа три. Миску оладушек я оплатила сполна.

Все время, пока я вихрем носилась по избе и по улице, мужик лежал под деревом на своем ватнике, уставя в синее небо штырь сивой бороденки, играл на гармошке «Прощание славянки» и пел:

В жопу клюнул жареный петух!
Не целуй ты меня по подмышкам,
Дай ты мышцам моим отдохнуть.
Не клади свои потные ноги
На мою волосатую грудь!!!

Проигрыш: трамп-па-пам-пам- тара-тара-та и опять:

В жопу клюнул жареный петух!

Тетка периодически вставала над ним:

– Не аташел яшшо? Чяво ж ты такой пьянуший?

А он ей:

– Дак эта самое, банки ж заряжал! Вадьке ж ехать. Куда ж он без банки. Ня знаю. Поляжу яшшо.

– Ну, поляжи, – говорила тетка и отходила прочь.

И снова звучало:

В жопу клюнул жареный петух!

В этом диалоге я не поняла ничегошеньки. И такого выражения «банки заряжать» не слыхала никогда. А я много чего слыхала на тему напиться: «трубы смазать», «горло промочить», «за воротник залить», «хлебнуть лишку», «хватить через край», «залить zenки или шары» и даже «накукарекачься» и «накидаться». Но не «банки заряжать». Это ново, это надо в копилку.

Я носилась по двору то с ведром, то с поленьями, Леся ходила за мной, тетка располагалась на крыльце, мужик лежал

под деревом. Пацан куда-то тихо слился.

Наконец я села на лавку у печки, свесив руки между колен. Приказов не последовало.

– Ладна, Танька, мы пашли, – сказала тетка, они с Лесей стояли в дверях хаты.

– Куда, – подхватила я, полагая, что нужно куда-то двигаться на новый хозяйственный подвиг.

– Дак куда. Дамой пашли.

Я продолжала не понимать:

– Куда домой? А это?

– К сябе дамой, а ета твой дом.

Тетка порылась в кармане кофты, вытащила маленькую лампочку:

– На вот, в таршер вставь. Вечярам тьмно будет. Другова свету нету.

Я взяла у нее из руки лампочку:

– Она ж перегорелая, – разорванная спираль болталась внутри стеклянной колбочки.

– Ну дак чяво, перегоремши, а ты вкрути.

Они ушли.

А я осталась сидеть у теплой печки с перегоревшей лампочкой в руке. И тут ко мне мысль в черепушку постучалась: за все это время никто мне не представился, и никто ни о чем меня не спросил: ни как меня звать-величать, ни откуда, ни зачем сюда заявила. Тетку все называли Авдоша, мужика Дедом, дети, одинаковые, как два беленьких херувимчика в

обносках, – Леся и Вадька. Ну то, что они своего отца звали Дедом, меня не особо удивило. Всяко бывает, знавала я одну семейку, там большой уже пацан, лет пятнадцати, маму свою звал мамой, бабушку – бабушкой, а деда – папой. Ну не срослось у него с настоящим отцом, не было никогда, и он с детства глубокого привык дедушку называть папой. Дежурная шутка «как это быть женатым на бабушке» у них с языка не слезала. Ну а уж звать родителей по именам, это в наши дни вообще расхожий вариант.

А вот мое имя им было известно. Откуда? «Я знаю, ты Танька», – сказала мне девочка на берегу ручья. Но тогда, наверное, с устатку я никаких выводов из этого не сделала. Просто отметила про себя и все.

А напрасно.

Допотопный торшер с маленькой треугольной столешницей и широким тряпочным выцветшим колпаком стоял в углу между хорошо просиженным диваном и желтым трюмо от гарнитура пятидесятих годов прошлого века. Светильник был похож на жирафа в сомбреро. Я вкрутила в него лампочку, что дала мне Авдоша. Дернула засаленный шнурочек с пластиковой пимпочкой на конце. Лампочка зажглась. Я тупо посмотрела на сочащийся сквозь колпак свет. Дернула шнурок еще раз – лампочка потухла. Сунула голову под абажур; нить накаливания была разорвана. Дернула шнурок. Лампочка зажглась, резанув светом по глазам. Я заглянула под столик, из которого поднималась шея жирафа, там на

полу стоял старый автомобильный аккумулятор, к его клеммам подсоединялся провод торшера, лишенный штепселя и разделенный на две жилы.

Надо оглядеть свое новое хозяйство. Кроме печи, стола, трюмо, дивана и торшера, я стала обладательницей полки с мисками, явно самодельной, из доски, вырубленной топором, древнего шкафа, каркас которого был из бруса, а стенки, двери и продавленная крыша из оргалита, крашенного коричневой краской, плетеного кресла-качалки и сундука. Сундук, вот что привлекло мое внимание. Огромный, в него две меня легко улягутся. Обитый по краям черным железом. Сам потемневший от времени до темно-коричневого цвета перестоялого чая. Конечно, я сразу сунулась к нему и подняла тяжелую крышку. Разочарование. Он был пуст. Только в уголке лежала пыльная тирольская шляпа с обглоданным перышком. Я вытащила ее, стерла пыль рукавом и водрузила на голову. Глянула на себя в мутное зеркало трюмо. Оттуда на меня уставилась ошалелая лахудра. Ну да, по-другому и не скажешь.

А где кошка? За всеми этими метаниями я совершенно о ней забыла. Покискискала, но в избе ее не было: ни в шкафу, ни на печке, ни под диваном, ни на веранде. Выскользнула на улицу, когда дверь была открыта. Я накинула куртец и пошла «по деревне». На улице никого не было, даже Дед убрался из-под дерева.

Повторю, кроме моего дома, самого пригожего, были

здесь еще три избы, застывшие на разных стадиях разрухи. Одна была уже и не изба, а сруб без крыши, вторая лихо покосилась на один бок, а третья была еще ничего, только крытая опять же каким-то доисторическим рубероидом крыша просела посередке, вызывая стойкую ассоциацию с продавленной спиной мосластого Росинанта. Сквозь мутные стекла окошек угадывались занавесочки, значит жилая, я решила, что это ихняя изба, этих самых Гулькиных.

Вокруг Гулькинского дома сидели кошки. Их было штук двадцать, наверное. Всякой масти: серые, рыжие, белые и пятнистые. Они сидели кругом и все смотрели на избушку. И среди них моя Кисельда.

У Лехиной кошки, когда она была Лехиной, имени не было. Она жила у него пятнадцать лет, но никакой клички так и не получила. Он говорил: «Зачем? Она у меня одна, я ее ни с кем не перепутаю. А ей все равно, как назовешь: Барсиком или Муркой». У Лехи вообще по поводу кошек была завиральнейшая теория, он сам придумал. Но об этом чуть позже. Сейчас о кошке. Я стала звать ее Кисель, Киселина или Кисельда, по-моему, самое подходящее имя для существа, проводящего большую часть жизни, растекаясь по какой-нибудь подходящей поверхности, дивану, подоконнику или просто по полу.

– Кисель, ты чего тут? Пошли домой. А то волки съедят. – Я, правда, побаивалась, что эта дурища уйдет куда-нибудь в лес и там пропадет, она ж городская, квартирная, ее никто

на улице не выгуливал.

Кошки повернули головы ко мне. Все. Представляете? Вот так разом молча повернули бóшки свои ушастые и усталились на меня. А потом раз, и все пошли прочь. Строем. Друг за другом. Как по сигналу. Ушли куда-то в заросли и пропали. Только моя осталась. Я ее под пузо взяла и в дом потащила. Но не успела в дверь войти, как из-за деревьев выкатил трактор, к нему жлыгой была подцеплена моя машина. Трактор подкатил к моей хате и остановился. Дверь открылась, и из кабины выпрыгнул Вадька, Гулькинский пацан. Ничего себе, ему лет двенадцать, а он уже тракторист. Хотя гоняют же деревенские пацаны на мотоциклах. А у этого вместо мотоцикла – трактор. Подумаешь... Он отцепил жлыгу, помахал мне рукой, забирай, мол, свою таратайку, и снова забрался в кабину. Трактор завелся тихонько и уехал мимо дома Гулькиных обратно в лес. Я даже спасибо не успела сказать. Ну и ладно. Пойду лучше кошке задам корма. Потом повытащу шмотки из багажника и разложусь для деревенского житья.

Только вечером, намаявшись за свой первый день как раб на галерах, вытянув, наконец, ноги на диване, устроившись с Книгой при свете перегоревшей лампочки, я поймала за хвост мысль, что вертелась у меня в голове: когда трактор ехал по деревне, из его уставленной в небо выхлопной трубы не валил дым, и сгоревшей солярой, как это должно быть, от трактора не воняло.

Вот теперь можно про Лехину кошачью теорию.

Леха считает, что кошки даны человечеству не просто так. Кошки за нами присматривают. Когда-то давным-давно, так давно, что воспоминания об этом превратились в мифы и сказки, на полупустую Землю, едва-едва занятую группками первобытных человечков, прилетели инопланетяне. Зачем или почему они сюда явились, неважно, к кошкам это отношения не имеет. Леха склоняется к тому, что заявившиеся чужие несколько подкорректировали человечество. Опять же, в каких далеко идущих целях – нам без разницы. Они поковырялись в нашем гено типе, возможно, подшили туда что-то свое, здесь подрихтовали, там пообточили, в общем, довели модель до ума. И свалили восвояси. А чтобы следить за дальнейшим ходом развития хомо модернизированного, дали человечеству кошку, такого биоробота-наблюдателя. И не просто наблюдателя. Они куда-то передают картинку, которую видят. Где-то есть «операторы», что эти картинки принимают. Кошки – это пушистые шпионы, нет, даже не шпионы, видеокамеры, станции слежения.

В качестве доказательств знатный футуролог Леха ссылается на то, что кошки, в отличие от собак, например, очень устойчивы к селекции, и сколько человечество ни билось над созданием кошачьих пород, в результате получается все та

же кошка, различия минимальны. А собаки? Сравни, чувыр-ла, мопса с овчаркой или карликового пинчера с ньюфаундлендом. Это ж разные звери! Ни разу не похожи.

Ну и кроме того исторический аспект – культ кошек в Древнем Египте в частности и на Востоке вообще. Возможно, как раз с протоегиптянами и поработали товарищи из космоса. И Египет первым получил партию кошек и инструкцию по их применению.

А манера спать по восемнадцать часов, особенно если объекта наблюдения нет рядом? Она же просто перезаряжается.

А любопытство? То самое, что кошку сгубило. Стоит только человеку заняться чем-то необычным, нестандартным, не тем, что он делает каждый день, кошка обязательно придет на это посмотреть. Леха мне демонстрировал:

– Смотри, колхозница. Я дома не танцую, я вообще не танцую, ты знаешь.

Мы с ним уходили на кухню, закрывали дверь, и Леха начинал «танцевать». Без кавычек этим словом пользоваться нельзя. Вряд ли кто-нибудь, кроме затерянных в джунглях, забытых богами дикарей, способен назвать эти дерганые телодвижения танцем. Но это фигня. Важно, что это редкое для Лехи времяпровождение. И уже через три минуты кошка, только что мирно почивавшая на открытом ноуте в комнате, начинает скрестись в кухонную дверь и требовать, чтоб ее допустили до этого веселья. Кстати, когда Леха пел дома,

кошка и ухом не вела. Потому что пел он постоянно.

Дальше. Мамаши-кошки пристраивают своих котят в добрые руки, подбрасывают их к дверям квартир, приносят к домам в деревнях. Он даже утверждал, что видел, как кошка привела двух своих детенышей на рынок и устроилась с ними возле мясной лавки. И всем позволяла их гладить: «Забирайте, вон какие они у меня славные». То есть программа «Кошка – в каждый дом» работает до сих пор.

А зашкаливающий уровень милоты, которую запростяцкий серенький комочек транслирует в окружающий мир? Это что, просто так? Мы же все любим котиков.

Все это, по мнению моего кузена, встроено в кошек, ну и в нас, соответственно, теми самыми кураторами, что когда-то доводили человечество до ума.

Были еще какие-то тезисы, но я не помню. В общем, теперь, за неимением перед носом Лехи, уже в течение трех лет кошка следит за мной и транслирует кому-то мою личную жизнь, вернее, полное ее, этой самой личной жизни, отсутствие. Утешает, что, возможно, цивилизация наших кураторов давно рассыпалась в пыль, мало ли какие беды могли им встретиться на их высокотехнологичном пути, и кошки передают свои послания в пустоту. И так будет до скончания века. Аминь.

Andante con moto²

Шли годы...

Шутка.

Я прожила в Осинках неделю. Как-то втянулась уже. С утра топила печь. Хоть и апрель, а в доме без тепла не посидишь. Готовить опять же на чем? У меня кроме дровяной плиты, в эту печь встроенной, других агрегатов нет. Потом воды принести. На день мне надо два ведра. Это если готовка, мытье посуды. А если самой помыться, набегаешься. Потом воду еще греть. В общем, процесс самопомойки превращается в длительный ритуал. Бани у меня нет. У Гулькиных, кстати, тоже. Как они моются, я даже не представляю. Если вообще моются. За эту неделю я их почти не видела. Пару раз мимо окна кто-то прошел.

Раз я к ним зашла. Ни за чем. Просто. Дай, думаю, соседей навещу. За окном мелкий дождик накрыпывает, дома скучно сидеть. Взяла кошку на руки, конфет еще в качестве гостинца и пошла. Стучу – сразу открывается, за дверью Леся. Будто прямо тут стояла, меня дожидалась. «Заходи», – говорит. Захожу и тихо обалдеваю. Это я первый раз к Гулькиным пришла. В избе нищета. Я по сравнению с ними – хозяйка Медной горы, вся в богатстве. Печь не топлена, верх-

² Andante con moto – умеренно, с движением.

няя топка вообще в паутине. Угол занавеской отгорожен. Да какая там занавеска, это две простыни сшиты, ветхие, в середине выношенные до полного бесцветия. Из-за псевдозанавески угол сундука торчит, типа моего, тоже здоровенный. Они туда все свое имущество прячут? От чужих? Стол колченогий, лавки серые, даже некрашенные, по двум его сторонам. Посреди стола шайка банная древняя, цинковая, с двумя ручками, проржавелая. В шайку с потолка вода капчет. Кап-кап потихонечку.

Только я зашла в комнату, кошindra начала у меня из рук выкручиваться. Леся говорит:

– На пол не отпускай, потравится.

Что они, крыс, что ли, травили?

Я головой покрутила, никого в избе больше нет.

– А где все?

– А в лес ушли за грибами.

– Куда за грибами-то. Весна еще. И дождик. Кто в лес в дождь ходит?

Он плечами пожала:

– Мы ходим. А весной самое время. Стручки и сморчки вылезают. Это самые ценные грибы. А еще стробилюрусы, саркосцифы, ксеромфолины.

– Кто?

– Какая разница. Грибы.

В общем, «гости» не задались. Девчонка явно ждала, чтоб я ушла.

На следующее утро Леся сама зашла ко мне, сказала: если хочу чего в магазинах купить, то надо сегодня ехать, завтра город на карантин закроют.

– А как ехать-то через ручей?

– Это не ручей, это протока между озерами. А ехать в другую сторону надо. По просеке, потом на Синюхино, там на шоссе. Ты заблудишься. Вадька тебя проводит, покажет.

Вот мне нравится: эта девчонка, мормышка мелкая, со мной разговаривает как взрослая с бестолковым детсадовцем. Безапелляционно: «Ты заблудишься». Да, я непременно заблужусь, у меня к этому дар, но зачем же в нос этим тыкать. Можно же вежливо предложить: «Давай, Танюша, тебе Вадька дорогу покажет».

Ну, короче, мы поехали. Вадька на месте штурмана, я за рулем. Минут сорок на малой скорости по лесу кружили. Практически молча, чего не скажу, он только «да», «нет» или еще содержательнее – «ну». Ну и я заткнулась, не диалог и был. В Синюхино пацан вышел, сказал, здесь меня подождет. Так что в город я одна приехала. Там на главной улице магазин на магазине: два «Дикси» через дом, напротив огромный сарай Великолукского комбината и «Магнита» двухэтажный домина. И всюду народ толкется. Расхватывают то, что раньше не разобрали. Хотя уже и нечего. Только ценники кругом: полка из-под сыра, полка из-под хлеба, полка из-под туалетной бумаги. Картошку только не особо схватывают, наверное, у всех своя.

Ну я картошки набрала три сетки, овсянки три пачки взяла, консервы какие-то типа мелкий частичек в томатном сиропе и к полке с кошачьей едой переместилась, там ажиотажа нет. Мне ж Кисельду каждый день кормить раза по четыре, она жрет как прорва, наверное, от старости уже в склероз впала и не помнит, ела или нет. Стою перед полкой и методично в корзину грузу четыре пакетика с рыбой, четыре – с индейкой, восемь – с кроликом, она за кролика душу продаст. Тут какой-то мужик у меня за спиной встал:

– Это чего?

– Кошачьи консервы, – говорю.

– С мясом?

– А чё, – говорю, – кошки – вегетарианки?

– Дак их вместо тушенки можно?

– Точно, – говорю, – я всегда так делаю. Для животных же самое безвредное кладут, без консервантов и ГМО.

Пошутила, называется. Он, мужик этот, меня локтем от полки отодвинул и орет вглубь магазина:

– Галя, подь сюды!

И все консервы без разбора себе в тележку сгребает. Одной рукой гребет, а вторую оттопырил, меня не подпускает. Да еще Галя, корпулентная, как крейсер, ему на подмогу из соседнего зала выруливает. Ах ты, думаю, говнюк. Выхватила у него из корзины штук пять пакетиков и в сторону, затерялась в толпе.

Вот вроде нечего в лавке взять, а на улицу я выперлась,

обвешавшись объемными котулями. Бреду к тачке, а тут откуда ни возьмись пацанва черномазая, явно цыганята, едва мне до пояса, совсем детишки. Окружили меня, и вот уже кто-то раз мне по мешку какой-то железкой, и в мешке дыра, и из дыры на асфальт посыпались мои банки с частичком, картошины, еще чего-то. Эти паскудники мелкие хватать-похватать мои покупочки, я не знаю, кого цапать, банки или мелюзгу. А тут из ворот церкви, там как раз напротив «Пятёрочки» – церковь, выходит поп. Страхолюдный такой. Весь в черной курчавой бороде, из бороды глаза угольями сверкают. Крикнул что-то цыганятам по-басурмански и в конце так утробно изподземельно: «Пр-р-роклян!»

Ребятня добычу побросала и как мыши в разные стороны порск.

Так закончился мой единственный вояж в город. Тогда я думала, что это событие. Но события начались несколько позже. И начались они, что характерно, с цыган.

Но сначала – яблони.

Дед зашел с ведром чего-то белого, вроде известки или белил. Как всегда, ватник, штанцы в резиновые сапоги заправленные, шапочка из советской эпохи, синяя, выцветшая. Красавец-мужчина. Он же не старый еще. Даже не помятый, если от бороденки кривенькой абстрагироваться. Я рассмотрела. И зубы все на месте, не как у деревенских принято: через одного или без передка вообще. Чего ж он таким неприглядным выглядит?

– Танька, ты чяво яблони ня белишь? Бялить нада. А то чярвяк-шушель все поест. Без яблак астанесся.

И кисть мне протягивает.

А я с Книгой, понимаешь, сижу у окошечка, в кресле-качалке покачиваюсь, утренний кофий пью. Благостная. А он мне: красить.

– Дед, а ты сам-то чего свои яблони не красишь? Вам яблочки не нужны?

– Не, наши ня нада. Ня нада. Не. Ты сваеи крась. Да пагущей, импасто. Да. А я – не, – замотал головой, задирая бороденку.

Поставил ведро у порога и отчалил. Что-то в его словах мне ухо резануло. Что? «Ня нада»? Нет, к этому я уже попривыкла. «Импасто» – вот что. Посреди «пагущей» и «сваеи» влезло это итальянско-живописное «импасто». Откуда?

Я сначала решила, что ничего белить не буду, вот еще докука образовалась. А с другой стороны: время есть, побелку на дом доставили, прямо Деливери клуб, погода хорошая, без дождя. Пойду покрашу. Вышла с ведром на улицу.

Улицы-то как таковой нет, просто пространство, кое-где кустами и осинами поросшее. И яблонями высокими, корявыми, очень старыми. Листики свеженькие повыперли. Вокруг черных скрюченных временем яблоневого рук зеленое прозрачное свечение колышется. А которые тут мои? Пошла к Гулькиным спрашивать. Вышел Дед, махнул рукой:

– А вон теи три, – покосился на полное ведро, стоявшее у

моих ног, – четыре яблони, вона в пасередке, теи тваеи.

Стала красить. Пришла Кисельда. Ходит вокруг меня, капли белил на земле нюхает. Потом еще три кошки из кустов вылезли. Сели рядком, смотрят. Тут кошки странные. Одичавшие, что ли, слегка, не пойму. Приходят неизвестно откуда, шастают туда-сюда, у Гулькинского дома как на митинг собираются. Меня не боятся, но и не подходят, не попрошайничают. Как-то пришла кошка с парой котят подрощенных. Няши такие, прыгают друг на друга, играют, лапки передние поднимают, коготки врастопырку. Я, как положено, умилилась, миску вынесла, от кисельдиного пайка отвалила полпачки вискаса. Даже не подошли. Побегали, попрыгали и коlobками укатились восвояси, не знаю, куда.

В общем, часа три я стволы белила. Кошки зырили. Когда закончила, подошли к стволам понюхали, помотали ббшками, будто обсудили вопрос и пришли к согласию: годно. Оно и правда, хорошо получилось, нарядно. Теперь за моим домом, прямо против окна – яркое белое пятно, «забор» из четырех белых до уровня моего носа яблонь.

А вечером ко мне Гулькины нагрянули. С пирогом и трехлитровой банкой клюквенного морса. И под пирог с грибами и сладенький морс провели среди меня политинформацию по теме «Миграции цыган и чего от этого ждать».

– Чаво, Танька, цыган ня баисся? Вон Леся грит, тябе воны в городе аграбить хатели, – сказала Авдоша, оделяя меня здоровенным кусом пирога, я б таким, наверное, неделю

могла б кормиться.

– Не, не боюсь. Чего их бояться, люди же. А это вообще мелюзга была. Голодные, наверное.

– Эта правильна, люди, чяво баяться. Тям боле, эта самае, воны скоро тута появяца.

– Что значит, тут появятся, – я чуть пирогом не подавилась.

Представила себе, как из лесу вываливает табор цыган: кони, кибитки. Девки в пестрых многоэтажных юбках бречат монистами. Визжат голопузые детишки. Парни в красных рубахах, в ухе серьга, за поясом нож... И вот уже этот хоровод колготится вокруг, горят костры, звенят серебряные струны:

Ой, чавелы,
начинается
плач гитары
разбивается
чаша утра...

И в бубны, в бубны...

А в середине этой свистопляски – я с кошкой на руках.

И поведала мне Авдоша под молчаливое одобрение остальных жующих пирог Гулькиных следующее: цыган в городе живет немало, давно они тут осели, еще до Вели-

кой Отечественной, их тогда насильно на землю сажали, кочевать запрещали. Это предыстория древняя. Поновее вот: у городских цыган, само собой, есть свой барон. Мужик он боевой, тертый. Не из наших, не из местных цыган, издалика сюда забрел, с большого городу Кишиневу, – «баро форо Кишиневу». Пацаном болтался тут и там, подворовывал. Его ловили, отправляли в детские дома, он сбегал. Потом пырнул кого-то ножичком, хорошо, хоть не убил до смерти. Загремел в колонию. Звали его тогда Спирия Кречет, от фамилии Кречин. В колонии как-то остепенился. Как отрезало всю приклатненную мутную прежнюю жизнь. Был там командиром отряда, малолетних урок строил строго. Под выход упросил начальника колонии посодействовать ему; решил Спирия в военное училище подаваться. А как? У него ж аттестата за восьмилетку нет. Кто его возьмет? Плюс справочка об отсидке. Начальник посодействовал, устроил пацана для начала в ПТУ при заводе. А после, получив вожделенные корочки и паспорт, пошел Кречет в танковое училище. Воевал на первой чеченской войне, потом, уже полковником в отставке, ушел с лдпровскими добровольцами на югославскую войну. Навоевавшись, приехал сюда, осел в городе и стал собственно бароном. Здесь про Спирию Кречета слыхом не слыхали, здесь он уважаемый человек, Спиридон Борисович, баро Спиридон. А пять лет назад цыганский барон возьми да и рукоположись в священники православные. Теперь служит в местной церкви, оставаясь при этом главой

ВСЕХ МЕСТНЫХ ЦЫГАН.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.